Тургеневской общественной
Библиотеке

от автора

Мои воспоминания

18 Авг. 1928 г.

Париж

Из „Арх. Русск. Рев."

том XIX

Мои воспоминанія объ Императорѣ Николаѣ II-омъ и Вел. Князѣ Михаилѣ Александровичѣ *)

Ю. Н. Данилова.

Въ моей жизни, по характеру службы и дѣятельности въ Генеральномъ штабѣ, мнѣ пришлось встрѣчаться съ довольно большимъ кругомъ лицъ, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, пріобрѣли нынѣ характеръ именъ историческихъ.

Изъ массы накопившихся впечатлѣній, подѣлюсь своими воспоминаніями о послѣднемъ Россійскомъ Монархѣ Императорѣ Николаѣ II и намѣчавшемся, послѣ отреченія, преемникѣ его Великомъ Князѣ Михаилѣ Александровичѣ.

* * *

Въ годъ вступленія въ Главнокомандованіе Дѣйствующей Арміей Императору Николаю II-му исполнилось всего 47 лѣтъ. — Онъ былъ въ расцвѣтѣ силъ и здоровья.

Большинство фотографій даютъ довольно вѣрное представленіе о внѣшности и фигурѣ послѣдняго русскаго Монарха; онѣ, какъ кто-то справедливо отмѣтилъ, не передаютъ только особенностей выраженія его глазъ и загадочности той полуулыбки, которая почти всегда блуждала на его губахъ.

Лучшимъ изображеніемъ его я все же считаю портретъ Сѣрова — Государь «въ тужуркѣ».

Государь былъ невысокаго роста, плотнаго сложенія, съ нѣсколько непропорціонально развитою верхнею половиною туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполнѣ поворотливый видъ и вся его фигура, при движеніи, подавалась какъ-то особенно, правымъ плечомъ впередъ.

Императоръ Николай II носилъ небольшую свѣтлую овальную бороду, отливавшую рыжеватымъ цвѣтомъ, и имѣлъ сѣро-зеленые спокойные глаза,

---

*) Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ автору.

отличавшіеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренно всегда отдѣляла его отъ собесѣдника. Можетъ быть, это впечатлѣніе являлось результатомъ того, что Императоръ никогда не смотрѣлъ продолжительно въ глаза лицу, съ которымъ говорилъ. — Его взглядъ или устремлялся куда-то вдаль, черезъ плечо собесѣдника, или медленно скользилъ по всей фигурѣ послѣдняго, ни на чемъ особенно не задерживаясь.

Всѣ жесты и движенія Императора Николая были очень размѣренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей и люди, близко знавшіе его, говорили, что Государь никогда не спѣшилъ, но никуда и не опаздывалъ.

Императоръ Николай встрѣчалъ лицъ, являвшихся къ нему, хотя и сдержанно, но очень привѣтливо. Онъ говорилъ не спѣша, негромкимъ, пріятнымъ груднымъ голосомъ, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались почти неловкія паузы, которыя можно было даже понять, какъ отсутствіе дальнѣйшихъ темъ для продолженія разговора.—Впрочемъ, эти паузы могли находить себѣ объясненіе и въ нѣкоторой застѣнчивости и внутренней неувѣренности въ себѣ. Эти черты Государя выявлялись и наружно нервнымъ подергиваніемъ плечъ, потираніемъ рукъ и излишне частымъ покашливаніемъ, сопровождавшимся затѣмъ безотчетнымъ разглаживаніемъ рукою бороды и усовъ. — Въ рѣчи Императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцентъ, становившійся болѣе замѣтнымъ при произношеніи имъ словъ съ русской буквой «ять».

Въ общемъ Государь былъ человѣкомъ средняго масштаба, котораго несомнѣнно должны были тяготить государственныя дѣла и тѣ сложныя событія, которыми полно было его царствованіе. Разумѣется не по плечу и не по знаніямъ ему было и непосредственное руководительство войною. Весьма сложныя причины, о которыхъ стоитъ когда нибудь разсказать особо, привели его къ рѣшенію стать лично во главѣ войскъ. Безотвѣтственное и безпечальное житіе, мнѣ думается, должно было бы болѣе отвѣчать и внутреннему складу послѣдняго Русскаго Монарха. Простой въ жизни и въ обращеніи съ людьми, безупречный семьянинъ, очень реелигіозный, любившій не слишкомъ серьезное чтеніе, преимущественно историческаго содержанія, Императоръ Николай безусловно, хотя и по своему, любилъ Россію, жаждалъ ея величія и мистически вѣрилъ въ крѣпость своей Царской связи нъ народомъ. — Идея незыблемости самодержавнаго строя въ Россіи пронизывала всю его натуру насквозь и наблюдавшіяся въ періодъ его царствованія временныя отклоненія отъ этой идеи въ сторону уступокъ общественности, на мой взглядъ, могутъ быть объясняемы только приступами слабоволія и податливости его натуры. Подъ чужимъ давленіемъ, онъ лишь сгибался, чтобы потомъ немедленно сдѣлать попытку къ выпрямленію...

Впрочемъ, это была очень сложная натура, разгадать и описать которую еще никому не удалось. — Къ пониманію характера Императора Николая, мнѣ думается, легче подойти путемъ знакомства съ отдѣльными фактами и эпизодами изъ его жизни, столь трагически закончившейся. Не претендуя на полноту, я попытаюсь набросать нѣсколько лично мнѣ извѣстныхъ сценъ и собственныхъ наблюденій.

* *
*

Осенью и зимою 1904-го года, мнѣ, по должности начальника оперативнаго отдѣленія Главнаго Штаба, пришлось участовать въ царскихъ объѣз-

дахъ войсковыхъ частей, отправлявшихся на Дальній Востокъ. Каждую изъ этихъ частей — Государь лично напутствовалъ своимъ словомъ и благословлялъ образомъ.

Было жуткое время. — Подошли послѣдніе дни передъ паденіемъ Портъ-Артура.—Въ царскомъ поѣздѣ получались шифрованныя донесенія о безнадежности положенія въ осажденной крѣпости, гдѣ находился запертымъ почти весь нашъ тихоокеанскій флотъ.—Комендантъ крѣпости Генералъ Стессель слалъ истерическія телеграммы, взывая къ «молитвамъ обѣихъ Императрицъ». — Кругомъ въ Россіи уже чувствовалось дыханіе революціоннаго звѣря...

Въ царскомъ поѣздѣ большинство было удручено событіями, сознавая ихъ важность и тяжесть. Но Императоръ Николай II почти одинъ хранилъ холодное, каменное спокойствіе. Онъ попрежнему интересовался общимъ количествомъ верстъ, сдѣланныхъ имъ въ разъѣздахъ по Россіи, вспоминалъ эпизоды изъ разнаго рода охотъ, подмѣчалъ неловкость встрѣчавшихъ его лицъ, и т.д.

Что это, спрашивалъ я себя, — огромная, почти невѣроятная выдержка, достигнутая воспитаніемъ, вѣра въ божественную предопредѣленность событій, или недостаточная сознательность?

Свидѣтелемъ того-же ледяного спокойствія Царя мнѣ пришлось быть и позднѣе; въ 1915-мъ году въ трудный періодъ отхода нашихъ войскъ изъ Галичины; въ слѣдующемъ году, когда назрѣвалъ окончательный разрывъ Царя съ общественными кругами, и въ мартовскіе дни отреченія во Псковѣ въ 17-мъ году...

* *
*

Во главѣ Морского Министерства довольно долго стоялъ Адмиралъ Григоровичъ. Это былъ умный и очень тонкій Министръ, котораго одно время даже прочили на постъ премьера. Усилія его были сосредоточены на скорѣйшемъ возсозданіи флота, погибшаго въ періодъ японской войны.

Въ 1912-мъ году Адмираломъ Григоровичемъ была внесена въ законодательныя учрежденія морская программа, существенною частью которой являлась постройка судовъ линейнаго флота. — Нашъ Генеральный Штабъ, какъ и нѣкоторыя группы морскихъ офицеровъ, не раздѣляли мнѣнія о пользѣ срочной постройки линейныхъ судовъ и усматривали въ испрашивавшемся отпускѣ многомильонныхъ ассигнованій на эту постройку серьезный тормазъ для развитія болѣе необходимаго подводнаго флота и сухопутной арміи.

Инспирируемый нами, Генералъ Сухомлиновъ, никогда не умѣвшій, впрочемъ, быть настойчивымъ въ вопросахъ, которые могли поколебать его личное положеніе, пытался, однако, нѣсколько разъ докладывать Государю о несвоевременности выдвигавшейся Морскимъ Министромъ программы, но напрасно. — Государь, питавшій къ морскому дѣлу и къ морякамъ личное расположеніе, упорно держался взглядовъ Адмирала Григоровича и не сдавалъ.

— Я ничего не могу сдѣлать, — сказалъ намъ однажды В. А. Сухомлиновъ. — Въ послѣдній разъ Государь, случайно бывшій въ морской формѣ,

сухо возразилъ мнѣ: «Предоставьте, Владиміръ Александровичъ, болѣе авторитетно судить о военно-морскихъ вопросахъ намъ-морякамъ»...

Такъ рѣшительно Императоръ Николай пресѣкалъ доклады своихъ Министровъ, имѣвшіе цѣлью повлiять на измѣненіе разъ принятаго имъ рѣшенія и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы выходили за предѣлы ихъ непосредственнаго вѣдѣнія.

Императоръ видимо усматривалъ въ этомъ вмѣшательствѣ покушеніе на свою самодержавную власть; въ дѣйствительности же, при отсутствіи объединеннаго Министерства и единой программы, это вмѣшательство, можетъ быть и ненормальное, было единственнымъ средствомъ доводить до Верховной власти о наличіи разномыслія въ мѣропріятіяхъ, предположенныхъ къ осуществленію различными Министрами.

* *
*

Императоръ Николай былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ. — Въ его личномъ вагонѣ находилась цѣлая молельная изъ образовъ, образковъ и всякихъ предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ религіозному культу. — При объѣздѣ въ 1914-мъ году войскъ, отправлявшихся на Дальній Востокъ, онъ наканунѣ смотровъ долго молился передъ очередной иконой, которой затѣмъ благословлялъ уходившую на войну часть.

Будучи въ Ставкѣ, Государь не пропускалъ ни одной церковной службы. — Стоя впереди, онъ часто крестился широкимъ крестомъ и въ концѣ службы неизмѣнно подходилъ подъ благословеніе Протопресвитера о. Шавельскаго. — Какъ то особенно, по церковному, они быстро обнимаютъ другъ друга и наклоняются каждый къ рукѣ другого.

Вѣра Государя несомнѣнно поддерживалась и укрѣплялась привитымъ съ дѣтства понятіемъ, что Русскій Царь — помазанникъ Божій. — Ослабленіе религіознаго чувства, такимъ образомъ, было бы равносильно развѣнчанію собственнаго положенія.

Не расчитывая на свои силы и привыкнувъ недовѣрчиво относиться къ окружавшимъ его людямъ, Императоръ Николай II искалъ поддержки себѣ въ молитвѣ и чутко прислушивался ко всякимъ примѣтамъ и явленіямъ, кои могли казаться ниспосылаемыми ему свыше. Отсюда — его суевѣріе, увлеченіе одно время спиритизмомъ и склонность къ мистицизму, подготовившія богатую почву для разнаго рода безотвѣтственныхъ вліяній на него со стороны.

И дѣйствительно, въ періодъ царствованія этого Государя при Дворѣ не разъ появлялись ловкіе авантюристы и проходимцы, пріобрѣтавшіе силу и вліяніе.

Достаточно вспомнить о Распутинѣ и его «предтечѣ» знаменитомъ Филиппѣ, игравшемъ при Дворѣ въ свое время столь видную роль!

Рядомъ съ религіозностью, суевѣріемъ и мистикой въ натурѣ Императора Николая II-го уживался и какой-то особый восточный фатализмъ, присущій, однако, и всему русскому народу. Чувство это отчетливо выразилось въ народной поговоркѣ: «отъ судьбы не уйдешь»!

Эта покорность «судьбѣ» несомнѣнно была одною изъ причинъ того спокойствія и выдержки, съ которыми Государь и его семья встрѣтили тяжелыя испытанія, впослѣдствіи выпавшія на ихъ личную долю.

* *

Довольно распространено мнѣніе, что Императоръ Николай II-й злоупотреблялъ спиртными напитками.—Я категорически отрицаю это на основаніи довольно долгихъ личныхъ наблюденій. Еще въ 1904-мъ году, во время частыхъ желѣзнодорожныхъ путешествій Государя по Россіи, равно какъ въ различные періоды міровой войны, мнѣ приходилось много разъ быть приглашаемымъ къ Царскому столу, за которымъ картина была всегда одинаковой. Не существовало, конечно, того «сухого» режима, о которомъ мы часто читаемъ въ разсказахъ о современной жизни въ С.-Ам. Соед. Штатахъ и отъ котораго такъ легко отказываются жители Великой Заатлантической Республики, пріѣзжающіе къ намъ въ грѣшную Европу, но не приходилось также встрѣчаться и съ тѣмъ, что такъ легко разносилось досужею людскою сплетнею.

Государь подходилъ къ закусочному столу; стоя, выпивалъ онъ, по русскому обычаю, съ наиболѣе почетнымъ гостемъ одну или много двѣ чарки обыкновеннаго размѣра особой водки «сливовицы»; на короткѣ закусывалъ, и, послѣ первой же чарки, приглашалъ всѣхъ остальныхъ гостей слѣдовать его примѣру. — Давъ время всѣмъ присутствовавшимъ закусить, Императоръ Николай II переходилъ къ обѣденному столу и садился по серединѣ таковаго, имѣя неизмѣнно противъ себя Министра Двора, по наружному виду чопорнаго и накрахмаленнаго Графа Фредерикса, въ дѣйствительности же очень добраго и привѣтливаго старика. Остальные приглашенные усаживались по особымъ указаніямъ Гофмаршала. Обносимые блюда не были многочисленны, не отличались замысловатостью, но бывали прекрасно приготовлены. Запивались онѣ обыкновеннымъ столовымъ виномъ, или яблочнымъ квасомъ, по вкусу каждаго изъ гостей.

Государь за столомъ ничего не пилъ и только къ концу обѣда отливалъ себѣ въ особую походную серебряную чарку одинъ-два глотка какого то особаго хереса или портвейна изъ единственной бутылки, стоявшей на столѣ вблизи его прибора. Ту же бутылку онъ передавалъ наиболѣе рѣдкимъ и почетнымъ гостямъ, предлагая отвѣдать изъ нея. — Никакихъ ликеровъ къ кофе не подавалось.

Къ концу обѣда Государь вынималъ изъ портсигара папиросу; затѣмъ доставалъ изъ-за пазухи своей сѣрой походной рубахи пенковый колѣнчатаго вида мундштукъ; медленно и методично вставлялъ въ него папиросу; закуривалъ ее, и затѣмъ предлагалъ курить всѣмъ. — Сигаръ не курили, такъ какъ Государь не переносилъ ихъ запаха.

Я никогда не видѣлъ, чтобы Государь предлагалъ свои папиросы другимъ лицамъ. Онъ, какъ большой курильщикъ, видимо очень дорожилъ своимъ запасомъ табака, который ему доставлялся изъ Турецкихъ владѣній, въ видѣ подарка отъ Султана. Такъ какъ мы были въ войнѣ съ Турціей, то очевидно приходилось быть экономнымъ.

— Я очень радъ, говорилъ шутя Императоръ Николай, что новый запасъ табака былъ мнѣ привезенъ въ Крымъ отъ Султана незадолго до начала войны и, такимъ образомъ, я оказался въ этомъ отношеніи въ довольно благопріятныхъ условіяхъ.

Періодъ куренія послѣ ѣды былъ очень длителенъ и утомителенъ для некурившихъ, такъ какъ Государь не спѣша выкуривалъ за столомъ не менѣе

двухъ-трехъ довольно большихъ и толстыхъ папиросъ. Затѣмъ Государь медленно поднимался и давалъ возможность пройти всѣмъ своимъ гостямъ впередъ въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ они становились въ рядъ, по новымъ указаніямъ Гофмаршала. Императоръ обходилъ выстроившихся и съ каждымъ говорилъ еще нѣкоторое время. Иногда эта бесѣда затягивалась довольно долго и я, въ бытность свою въ Ставкѣ въ должности Генералъ-Квартирмейстера, очень дорожилъ даннымъ мнѣ разъ навсегда разрѣшеніемъ уходить къ себѣ въ рабочій кабинетъ немедленно послѣ вставанія изъ-за стола.

Я совершенно увѣренъ, что разсказы о царскихъ излишествахъ являлись плодомъ фантазіи недобросовѣстныхъ разсказчиковъ и полагаю, что въ основѣ этихъ сплетенъ лежалъ, повидимому, фактъ посѣщенія отъ времени до времени Государемъ, во время проживанія его въ Царскомъ Селѣ, офицерскихъ собраній нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей. — Но вѣдь, казалось бы, что каждый, несущій извѣстный трудъ, имѣетъ право на отдыхъ среди именно тѣхъ людей, общество коихъ доставляетъ ему удовольствіе! Императоръ Николай любилъ изрѣдка «посидѣть» въ полковой средѣ и весьма возможно, что это сидѣніе могло быть когда либо и болѣе длительнымъ, чѣмъ это разрѣшалось понятіями злонамѣренныхъ разсказчиковъ.

* *
*

Императоръ Николай II былъ вообще человѣкомъ очень скромныхъ привычекъ и, насколько я могъ наблюдать, чувствовалъ себя наиболѣе свободно и увѣренно именно въ офицерской средѣ. — Происходило это весьма вѣроятно потому, что изъ-за преждевременной смерти своего отца, онъ, въ бытность Наслѣдникомъ, не имѣлъ возможности достаточно расширить кругъ своей дѣятельности, которая почти не выходила за предѣлы военной службы. Но даже и въ этой спеціальной отрасли служенія Государству, онъ достигъ лишь скромнаго положенія Полковника одного изъ Гвардейскихъ полковъ. Соотвѣтствующіе этому чину погоны Императоръ Николай II и носилъ впродолженіе всего своего царствованія.

Государь очень любилъ физическій трудъ на свѣжемъ воздухѣ, рубилъ, для моціона, дрова и много работалъ у себя въ Царскомъ Селѣ въ паркѣ. Верховой ѣзды онъ не любилъ, но зато много и неутомимо ходилъ, приводя этой своей способностью въ отчаяніе своихъ флигель-адъютантовъ, не всегда своимъ сложеніемъ подходившихъ для столь длинныхъ и утомительныхъ прогулокъ.

Въ простой суконной рубахѣ, съ мягкимъ воротникомъ, въ высокихъ шагреневыхъ сапогахъ, подпоясанный кожанымъ ремнемъ, Императоръ Николай II, въ бытность свою въ Ставкѣ, подавалъ примѣръ скромности и простоты среди всѣхъ тѣхъ, кто окружалъ его, или приходилъ съ нимъ въ болѣе близкое соприкосновеніе.

Я глубоко увѣренъ, что если бы безжалостная судьба не поставила Императора Николая во главѣ огромнаго и сложнаго государства и не вселила въ него ложнаго убѣжденія, что благополучіе этого государства въ сохраненіи принципа самодержавія, то о немъ сохранилась бы память, какъ о симпатичномъ, простодушномъ и пріятномъ въ общеніи человѣкѣ.

* *
*

Въ первый періодъ міровой войны, во время довольно частыхъ пріѣздовъ въ Ставку, Императоръ Николай II и его немногочисленная свита продолжали жить въ поѣздѣ. Ни Императрица, ни Наслѣдникъ, во время пребыванія въ должности Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, Ставки не посѣщали.

Царскій поѣздъ, по прибытіи въ Барановичи, устанавливался на спеціальной вѣткѣ, въ томъ же лѣсу, въ которомъ находился поѣздъ Верховнаго, и неподалеку отъ него. Чтобы не подавать никакихъ поводовъ для невыгодныхъ сравненій, мѣсто кругомъ стоянки царскаго поѣзда поддерживалось усиліями Комендатуры Ставки весьма тщательно; кругомъ были расчищены дорожки, поставлены скамейки, посажены цвѣты.

Въ центрѣ Царскаго поѣзда находился вагонъ-столовая, въ меньшей половинѣ котораго была устроена небольшая гостиная съ зеленою шелковою мебелью и такимъ же шелкомъ обтянутыми стѣнами. Рядомъ—узкая прихожая, въ которой входившіе оставляли верхнее платье. У входа въ этотъ вагонъ снаружи въ застывшихъ вытянутыхъ позахъ дежурили два казака изъ Царскаго конвоя—хорошо подобранные красавцы, въ своихъ характерныхъ черкескахъ и папахахъ, лихо надѣтыхъ «на бекрень», съ молодыми энергичными лицами, обрамленными черными, какъ смоль, волосами небольшой вьющейся бороды и усовъ.

Въ холодные дни, когда завтракъ или обѣдъ накрывался не въ лѣсу въ шатрѣ, а въ вагонѣ, приглашенные собирались предварительно въ гостиной, гдѣ стоялъ и закусочный столъ. Столъ этотъ, съ переходомъ приглашенныхъ въ столовую, быстро убирался, такъ какъ въ той же гостиной, по окончаніи трапезы, вновь выстраивались гости, для заключительнаго обхода ихъ Государемъ.

Личное помѣщеніе Государя находилось въ сосѣднемъ вагонѣ, примыкавшемъ вплотную къ прихожей и гостиной вагона-столовой. Помѣщеніе это было едва ли очень покойнымъ, такъ какъ черезъ боковой корридоръ, уменьшавшій къ тому же жилую площадь «собственнаго Его Величества вагона», должны были проходить всѣ лица свиты къ себѣ.

Я не имѣю возможности описать собственный вагонъ Государя въ подробностяхъ, такъ какъ только дважды былъ въ одномъ изъ отдѣленій его — рабочемъ кабинетѣ Государя, да и то вечеромъ, при нѣсколько затемненномъ освѣщеніи. Кабинетъ этотъ былъ устроенъ въ небольшомъ отдѣленіи, повидимому въ два окна, передній уголъ котораго былъ заботливо уставленъ иконами и образками.

Такъ какъ двумъ людямъ въ этомъ отдѣленіи уже трудно было повернуться, то ежедневные оперативные доклады, въ періоды пребыванія Государя въ Ставкѣ, происходили, какъ и въ обыкновенное время, въ моемъ кабинетѣ, куда Императоръ Николай и приходилъ къ 10-ти часамъ утра. — Вечерніе доклады, если таковые вызывались ходомъ дѣйствій, дѣлались мною въ гостиной описаннаго выше вагона, послѣ обѣда и ухода оттуда приглашенныхъ и лицъ свиты.

* *
*

Случаи, которые привели меня въ «собственный Его Величества» вагонъ связаны: одинъ — съ награжденіемъ меня орденомъ Св. Георгія 4-ой степе-

ни и другой — со срочнымъ докладомъ о сдачѣ австрійцами намъ Перемышля 9-го Марта 1915-го года*).

Въ нѣсколькихъ словахъ разскажу о первомъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ, получившій за Варшавскую наступательную операцію, выполненную нашими войсками осенью 14-го года, Георгіевскій крестъ 3-ей степени, съ большимъ достоинствомъ и съ особымъ удареніемъ доложилъ Государю, что идеей этой операціи и ея разработкой онъ чувствуетъ себя обязаннымъ мнѣ. — Мысль о цѣлесообразности переброски части войскъ изъ Галичины на среднюю Вислу и о сосредоточеніи всѣхъ свободныхъ силъ къ Варшавѣ дѣйствительно была высказана мною Верховному Главнокомандующему на одномъ изъ докладовъ. — Но конечно принять или отвергнуть эту мысль было всецѣло во власти Верховнаго Главнокомандующаго, который и несъ на себѣ всю тяжесть отвѣтственности въ случаѣ всегда возможной неудачи. — Государь призналъ, однако, справедливымъ удостоить и меня награжденіемъ Георгіевскимъ крестомъ, который, какъ извѣстно, высоко чтился въ русской арміи.

Въ день награжденія тѣмъ же крестомъ, но болѣе высокою степенью Великаго Князя, я, послѣ обычнаго обѣда въ Царскомъ поѣздѣ, получилъ приглашеніе Императора Николая пройти вслѣдъ за нимъ въ его вагонъ.—Войдя въ уже описанное отдѣленіе, служившее кабинетомъ, Государь взялъ съ полки изъ подъ образовъ лежавшій тамъ футляръ. Вынувъ оттуда завѣтный для каждаго военнаго бѣлый эмалевый крестикъ, онъ благословилъ имъ меня, и сказалъ при этомъ по моему адресу нѣсколько теплыхъ словъ. — Растроганный этой сценой, я принялъ крестъ изъ рукъ Царя и, тутъ же приложилъ его къ своимъ губамъ; затѣмъ принужденъ былъ вложить крестъ обратно въ футляръ, такъ какъ на моемъ кителѣ не имѣлось соотвѣтственной петлички. Когда я вернулся въ сосѣдній вагонъ — столовую, Великій Князь Николай Николаевичъ, повидимому знавшій о томъ, для чего Государь звалъ меня къ себѣ, быстро и радостно направился мнѣ навстрѣчу съ привѣтствіемъ и тутъ же дрожащими руками сталъ мнѣ булавкой прикалывать на грудь мною полученную высокую награду...

Генералъ Янушкевичъ, находившійся при этой сценѣ и получившій еще до обѣда такой же крестъ, что и я, пожимая мнѣ руку, громко сказалъ:

— Теперь и я свой крестъ буду носить спокойно!

* *
*

Прошли первые годы міровой войны. — Въ теченіе ихъ, я, оставивъ Ставку, прокомандовалъ около года на фронтѣ корпусомъ и затѣмъ, по волѣ Государя, возложившаго на себя обязанности Верховнаго Главнокомандующаго, съ осени 16-го года занималъ постъ Начальника Штаба армій Сѣвернаго фронта. Главнокомандующимъ войсками этого фронта былъ, какъ извѣстно, Генералъ-Адъютантъ Н. В. Рузскій.

Многое измѣнилось въ обстановкѣ. — Неудовлетворенная войной, раздираемая внутреннимъ неустройствомъ, атакованная со всѣхъ сторонъ вражеской пропагандой, Россія глухо волновалась.

---

*) Всѣ даты по старому стилю.

Земля оскудѣла, заводы бастовали, желѣзныя дороги останавливались... Неизбѣжно надвигалась революція.

Въ концѣ февраля 1917-го года въ Петроградѣ начались безпорядки, въ которыхъ приняли участіе рабочіе и запасные, переполнявшіе сверхъ всякой мѣры столичныя казармы.

Императоръ Николай II находился въ Ставкѣ, перенесенной еще въ 15-мъ году въ Могилевъ. — Обезпокоенный характеромъ безпорядковъ и размѣромъ ихъ, онъ въ ночь на 28-е февраля выѣхалъ въ Царское Село, командировавъ въ столицу, съ особымъ отрядомъ, находившагося при немъ и пользовавшагося его довѣріемъ Генералъ-Адъютанта Иванова.

* *
*

Однако 1-го марта 1917 г. послѣ полудня отъ Дворцоваго Коменданта Генерала Воейкова была получена въ штабѣ Сѣвернаго фронта изъ Старой Руссы, совершенно неожиданно, поразившая всѣхъ насъ телеграмма, съ сообщеніемъ, что черезъ Дно въ Псковъ слѣдуетъ Государь. Ни о цѣли поѣздки, ни о порядкѣ слѣдованія Царскаго поѣзда никакихъ свѣдѣній въ телеграммѣ не имѣлось и штабъ Сѣвернаго фронта, путемъ отдѣльныхъ запросовъ по линіи, вынужденъ былъ установить вѣроятное время прибытія названнаго поѣзда въ Псковъ.

Правда, наканунѣ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Генераломъ Алексѣевымъ было сообщено о намѣченной поѣздкѣ Государя изъ Ставки въ Царское Село, но оставалось совершенно неяснымъ, какъ Государь могъ оказаться въ Старой Руссѣ, лежавшей въ сторонѣ отъ пути на Царское, и почему онъ, въ такой трудной обстановкѣ, предпочелъ слѣдовать во Псковъ, а не въ Ставку. Неизвѣстенъ былъ также и дальнѣйшій маршрутъ Царскаго поѣзда.

Съ большими усиліями удалось выяснить, что Государь можетъ прибыть во Псковъ не ранѣе 6-7 часовъ вечера, вѣрнѣе же — еще позднѣе. Въ виду такой неопредѣленности, Генералъ Рузскій и я рѣшили, въ ожиданіи прибытія Царскаго поѣзда, временно переѣхать на вокзалъ, гдѣ мы и помѣстились въ стоявшемъ тамъ на запасномъ пути вагонѣ Главнокомандующаго. Въ Штабѣ же, для связи съ нами, оставался мой ближайшій помощникъ Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба фронта Генералъ В. Г. Болдыревъ. Это тотъ самый Генералъ, который впослѣдствіи въ Сибири, въ періодъ бѣлаго движенія, до переворота, совершеннаго Адмираломъ Колчакомъ, входилъ въ составъ Директоріи Членовъ Учредительнаго Собранія и, будучи членомъ «Всероссійскаго Временнаго Правительства», являлся Главнокомандующимъ вооруженными силами этого Правительства.

Обстановка къ этому времени складывалась далеко не успокоительно...

Еще днемъ были получены изъ столицы телеграммы, въ одной изъ которыхъ Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко сообщалъ Генералу Рузскому, что, въ виду устраненія отъ управленія всего бывшаго Совѣта Министровъ, правительственная власть перешла въ руки «Временнаго Комитета членовъ Государственной Думы», какъ никакъ сформировавшагося самочинно.

Затѣмъ изъ Ставки были получены данныя о томъ, что въ Москвѣ началось возстанiе и гарнизонъ ея переходитъ на сторону мятежниковъ; что безпорядки перекинулись въ Кронштадтъ, и что Командующiй Балтiйскимъ флотомъ нашелъ невозможнымъ протестовать противъ признанiя флотомъ названнаго выше Временнаго Комитета Государственной Думы.

Всѣ эти данныя Генералъ Рузскiй долженъ былъ доложить Государю по прибытiи его во Псковъ.

*

* *

Императорскiй поѣздъ подошелъ къ станцiи «Псковъ» около 8-ми часовъ вечера. — Часомъ раньше прибылъ на ту же станцiю свитскiй поѣздъ.

Оба поѣзда носили названiе литерныхъ: А и Б. — Во время царскихъ переѣздовъ, они шли другъ за другомъ на нѣкоторомъ разстоянiи. Въ пути порядокъ ихъ обычно мѣнялся и впередъ, для достиженiя большей безопасности, шелъ, по указанiямъ Дворцоваго Коменданта, то «собственный Его Величества поѣздъ» (лит. А), то «свитскiй» (лит. Б).

Ко времени подхода царскаго поѣзда, вокзалъ былъ оцѣпленъ и въ его помѣщенiя никого не пускали. — На платформѣ было поэтому безлюдно. — Почетный караулъ выставленъ не былъ, такъ какъ во Псковѣ строевыхъ частей не имѣлось; прiѣздъ же Государя явился вполнѣ неожиданнымъ, почему вызовъ соотвѣтствующей части съ фронта былъ невыполнимъ.

Генералъ Рузскiй и я, при приближенiи Царскаго поѣзда, вышли изъ нашего вагона на дебаркадеръ.

Впечатлѣнiе, охватившее меня, было таково, точно въ подходившемъ поѣздѣ везли тяжко заболѣвшаго въ пути Императора...

Въ вечерней темнотѣ едва можно было замѣтить очертанiе вагоновъ роскошнаго царскаго поѣзда, медленно и безшумно подкатившаго къ платформѣ, съ изрѣдка пыхтѣвшимъ впереди паровозомъ. Окна вагоновъ были завѣшены непроницаемыми шторами, сквозь щели коихъ пробивались только узкiя полоски свѣта, бросавшiя на дебаркадеръ длинные, расширявшiеся въ даль отблески.

Кругомъ — безмолвiе и какое то зловѣщее отсутствiе жизни, особенно рельефно подчеркивавшееся темными фигурами нѣсколькихъ служащихъ, безшумно вышедшихъ встрѣтить поѣздъ и почтительно замершихъ на мѣстѣ. Въ пустотѣ и тишинѣ гулко отдавались только наши шаги, по мѣрѣ приближенiя къ мѣсту остановки поѣзда. Вдругъ кто-то торопливо выскочилъ изъ едва остановившагося поѣзда, за нимъ показались еще два-три силуэта людей. — Это были дежурный флигель-адъютантъ и очередные лейбъ-казаки.— Изъ числа послѣднихъ, двое отдѣлились и, по обыкновенiю, стали по бокамъ дверей, ведшихъ въ вагонъ Государя; оттуда же открыли освѣщенную дверь и спустили на платформу подвижную обитую коврикомъ лѣстницу, для удобнаго входа въ вагонъ.

Дежурный флигель-адъютантъ, соскочившiй на дебаркадеръ, вопросительно обратился къ подошедшему коменданту и затѣмъ быстро направился въ нашу сторону.

— Ваше Высокопревосходительство, сказалъ онъ Генералу Рузскому, беря руку подъ козырекъ, не откажите предварительно пройти къ Министру Двора.

Мы направились въ вагонъ, сосѣднiй съ Царскимъ. Изъ поѣзда потянуло тепломъ и впечатлѣнiе привезеннаго больного, охватившее меня, усилилось еще болѣе — Встревоженныя лица, сдержанныя рукопожатiя, разговоры въ полголоса!..

— Государь Васъ ждетъ въ салонѣ,—сказалъ, обращаясь къ намъ, всегда изысканно-любезный Министръ Двора Графъ Фредериксъ; я пройду предупредить Его Величество о Вашемъ прибытiи...

Черезъ нѣсколько секундъ насъ пригласили пройти черезъ корридоръ помѣщенiя, занимавшагося лично Государемъ, въ хорошо знакомый мнѣ зеленоватый салонъ, составлявшiй, вмѣстѣ со столовой, центральный вагонъ всего царскаго поѣзда.

Тамъ находился уже Государь. — Съ большимъ волненiемъ проходилъ я черезъ небольшую прихожую, примыкавшую къ салону. Впереди шелъ Н. В. Рузскiй, волненiе котораго, какъ всегда, выражалось только въ еще большей, чѣмъ обычно, размѣренности движенiй и окаменѣлости лица. — Государь, въ темно-сѣрой черкесскѣ, составлявшей форму кавказскихъ пластунскихъ батальоновъ, встрѣтилъ насъ съ очень большимъ наружнымъ спокойствiемъ. Онъ разсказалъ намъ обычнымъ своимъ голосомъ о томъ, что его поѣздъ на пути въ Царское Село былъ задержанъ на ст. Малая Вишера извѣстiемъ о занятiи ст. Любани отрядомъ мятежныхъ войскъ, съ орудiями и пулеметами; поэтому онъ и рѣшилъ повернуть поѣздъ на Псковъ, имѣя намѣренiе сдѣлать попытку пробиться отсюда въ Царское Село, — цѣли своего путешествiя... — Выслушавъ затѣмъ краткiй докладъ о положенiи дѣлъ на фронтѣ, Императоръ Николай II добавилъ, что ждетъ прiѣзда во Псковъ Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, чтобы получить отъ него прямыя и подробныя свѣдѣнiя о томъ, что происходитъ въ столицѣ. — Когда же Генералъ Рузскiй добавилъ, что имѣетъ и съ своей стороны нѣкоторыя данныя, относящiяся къ тому же вопросу, которыя имъ получены изъ Ставки для доклада, то Государь отвѣтилъ, что готовъ его выслушать сегодня же, послѣ 9-ти часовъ вечера.

Передъ оставленiемъ царскаго поѣзда, Генералъ Рузскiй и я получили обычное приглашенiе къ обѣду, и, такъ какъ было время собираться къ столу, то мы прошли лишь на нѣсколько минутъ въ вагонъ Главнокомандующаго, чтобы просмотрѣть донесенiя, кои за протекшее время были доставлены намъ Генераломъ Болдыревымъ изъ штаба.

Обѣдъ носилъ очень тягостный характеръ. — Государь былъ хотя и молчаливъ, но наружно спокоенъ. Всѣмъ, разумѣется, было не по себѣ.—Хотѣлось поскорѣе остаться наединѣ, чтобы разобраться въ своихъ впечатлѣнiяхъ; разговоръ поэтому не клеился. — О главномъ, лежавшемъ камнемъ на душѣ у каждаго, никто, конечно, не говорилъ, вещи же обыкновенныя не шли на языкъ. — Я думаю, что всѣ почувствовали большое облегченiе, когда подошло наконецъ время встать изъ-за стола и явилась возможность для каждаго вернуться къ себѣ и къ своему дѣлу.

* * *

До 9-ти часовъ вечера я пробылъ съ Главнокомандующимъ на вокзалѣ и, только проводивъ его до царскаго поѣзда къ докладу, уѣхалъ въ городъ, гдѣ меня ждали въ штабѣ многочисленныя дѣла и срочныя распоряженiя.

Во время разбора накопившихся бумагъ и бесѣды со своими сотрудниками, мнѣ подали телеграмму изъ Ставки на имя Государя, въ которой Генералъ Алексѣевъ ходатайствовалъ о дарованіи странѣ отвѣтственнаго Министерства съ М. В. Родзянко во главѣ.

Ходатайство это мотивировалось необходимостью избѣжать анархіи въ странѣ, для продолженія войны. Вмѣстѣ съ телеграммой изъ Ставки былъ переданъ проэктъ соотвѣтствующаго манифеста.

Часовая стрѣлка приближалась къ 10-ти часамъ вечера. — Такъ какъ Генералъ Рузскій все еще находился на докладѣ у Государя, то я приказалъ спѣшно подать себѣ автомобиль, чтобы лично отвезти ему на вокзалъ полученную телеграмму, считая ее особо важной и срочной. Обратившись къ кому то изъ приближенныхъ къ Государю лицъ съ просьбою о вызовѣ Главнокомандующаго, я сталъ поджидать Н. В. Рузскаго въ свитскомъ вагонѣ, гдѣ меня кольцомъ обступили съ распросами лица Государевой Свиты. — Объяснивъ имъ, въ предѣлахъ допустимаго, сложившуюся обстановку, я, въ отвѣтъ на ихъ безпокойные вопросы: «что же дѣлать дальше?» — отвѣчалъ въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ только что полученной телеграммы Генерала Алексѣева.

— Къ сожалѣнію, говорилъ я, дѣло зашло слишкомъ далеко и, вѣроятно, нужны будутъ уступки, для успокоенія взволнованныхъ умовъ.

Передавъ вышедшему ко мнѣ Главнокомандующему телеграмму на имя Государя и получивъ отъ него просьбу — выяснить время для разговора по прямому проводу съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, я возвратился къ себѣ въ Штабъ.

Около полуночи я въ третій разъ уѣхалъ на вокзалъ, чтобы дождаться тамъ выхода Главнокомандующаго отъ Государя. Я получилъ къ этому времени очень тревожныя извѣстія о томъ, что гарнизонъ г. Луги перешелъ на сторону возставшихъ. Это обстоятельство дѣлало уже невозможнымъ направленіе Царскихъ поѣздовъ на сѣверъ и осложняло продвиженіе въ томъ же направленіи эшелоновъ того отряда, который, согласно распоряженію Ставки, подлежалъ высылкѣ отъ Сѣвернаго фронта на станцію Александровскую, въ распоряженіе Генерала Иванова.

Головные эшелоны этого отряда, который былъ отобранъ Командующимъ 5-ой арміей изъ состава наиболѣе надежныхъ частей, по нашимъ расчетамъ, должны были подойти къ Петрограду еще утромъ 1-го Марта. Но затѣмъ эти эшелоны были временно задержаны въ пути для свободнаго пропуска литерныхъ поѣздовъ и, гдѣ они находились въ данное время, — намъ оставалось неизвѣстнымъ.

* *
*

Генералъ Рузскій вышелъ отъ Государя очень утомленымъ и разстроеннымъ. Онъ коротко подѣлился со мной своими впечатлѣніями.

— Государь, сказалъ онъ, первоначально намѣчалъ ограничиться предложеніемъ Родзянкѣ составить Министерство, отвѣтственное передъ Верховной властью, но затѣмъ, взвѣсивъ обстановку, и, въ особенности принявъ во вниманіе телеграмму Алексѣева, остановился окончательно на рѣшеніи дать странѣ то же Министерство Родзянки, но отвѣтственное передъ Законодательными учрежденіями. — Я надѣюсь, что это удовлетворитъ возставшихъ

и дастъ намъ возможность довести войну до конца. Обо всемъ этомъ, добавилъ Н. В. Рузскій, Государь будетъ самъ телграфировать Алексѣеву; меня же онъ уполномочилъ переговорить съ М. В. Родзянкой...

На мой докладъ о тѣхъ затрудненіяхъ, кои могутъ возникнуть въ связи съ переходомъ Лужскаго гарнизона на сторону возставшихъ, Генералъ Рузскій отвѣтилъ, что Государь предусматриваетъ мирный исходъ возникшихъ событій, почему, между прочимъ, и разрѣшилъ теперь же возвратить обратно въ Двинскъ отрядъ, высланный на сѣверъ изъ состава 5-ой арміи.

Содержаніе этого отвѣта очень интересно сопоставить съ показаніемъ, даннымъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи Генераломъ Дубенскимъ, лицомъ — назначеніе коего заключалось въ веденіи записи «Царскихъ дѣйствій въ періодъ пребыванія Государя на театрѣ военныхъ дѣйствій». Этотъ Генералъ, находившійся въ описываемое время въ составѣ Государевой свиты, свидѣтельствуетъ, что уже съ ночи на 1-ое Марта въ Царскихъ поѣздахъ не существовало настроенія борьбы и въ ближайшемъ къ Царю окруженіи только и говорили о необходимости «сговориться» съ Петроградомъ и выработать условія соглашенія. Такое соглашательское настроеніе особенно упрочилось послѣ полученія Царемъ извѣстія, что во Псковъ, на свиданіе съ нимъ, предполагаетъ выѣхать М. В. Родзянко.

Зная, что Н. В. Рузскому предстоитъ ночью же длинная и отвѣтственная бесѣда съ М. В. Родзянко, я не сталъ распрашивать о подробностяхъ доклада...

Недоброжелатели Генерала Рузскаго впослѣдствіи стали распространять слухи, будто онъ держалъ себя, во время продолжительной бесѣды съ Императоромъ Николаемъ II, рѣзко и даже грубовато, позволяя себѣ громкіе выкрики и неосторожныя выраженія.

По этому поводу я долженъ прежде всего отмѣтить, что данная бесѣда съ Государемъ происходила безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ, и что поэтому никто, кромѣ самого Государя, не могъ дать правильной оцѣнки поведенія Генерала Рузскаго въ теченіе ихъ разговора. — Лучшимъ же отвѣтомъ на вопросъ о томъ впечатлѣніи, которое оставила эта бесѣда на Государя, служитъ то неизмѣнно предупредительное и довѣрчивое отношеніе, которое сохранилъ Императоръ Николай II къ Главнокомандующему Сѣв. фронтомъ до послѣдней минуты разставанія.

Генералъ Рузскій всегда и со всѣми держалъ себя непринужденно-просто. — Его медленная, почти ворчливая, по интонаціи, рѣчь, состоявшая изъ короткихъ фразъ, и соединенная съ суровымъ выраженіемъ его глазъ, смотрѣвшихъ изъ подъ очковъ, производила всегда нѣсколько суховатое впечатлѣніе, но эта манера говорить хорошо была извѣстна Государю и была одинаковой со всѣми и при всякой обстановкѣ. — Спокойствія и выдержки у Генерала Рузскаго было очень много и я не могу допустить, чтобы въ обстановкѣ бесѣды съ Государемъ, проявлявшимъ къ Генералу Рузскому всегда много довѣрія, у послѣдняго могли сдать нервы...

Вѣрнѣе думать, что людская клевета и недоброжелательство пожелали превратить честнаго и прямолинейнаго Ген. Рузскаго въ недостойную фигуру распоясавшагося предателя.

Свою жизнь Генералъ Рузскій запечатлѣлъ мужественной смертью въ Пятигорскѣ, гдѣ онъ былъ изрубленъ шашками большевистскихъ палачей въ одну изъ жуткихъ по описаніямъ ночей конца 1917-го года.

Да будетъ стыдно его клеветникамъ!..

* *
*

Въ половинѣ четвертаго утра на 2-ое Марта началась телеграфная бесѣда Главнокомандующаго арміями Сѣвернаго фронта съ Предсѣдателемъ Государственной Думы; бесѣда эта затянулась до 7½ часовъ утра*).

Н. В. Рузскій чувствовалъ себя настолько нехорошо, что сидѣлъ у телеграфнаго аппарата въ глубокомъ креслѣ и лишь намѣчалъ главныя вѣхи того разговора, который отъ его имени велъ я.—Навертывавшаяся лента, по мѣрѣ хода разговора, передавалась частями, черезъ моего секретаря, Генералу Болдыреву, для немедленной передачи ея содержанія Генералу Алексѣеву въ Ставку.

О этотъ ужасный «Юзъ», характерное выстукиваніе котораго за время войны настолько глубоко врѣзалось мнѣ въ душу и память, что еще и теперь мнѣ иногда по ночамъ чудятся напоминающіе его стуки и въ тревогѣ думается о томъ, что сейчасъ принесутъ его мучительныя ленты!!..

Прежде всего требовалось выяснить причины, по которымъ М. В. Родзянко, какъ къ этому времени стало извѣстно, уклонился отъ первоначальнаго рѣшенія лично прибыть во Псковъ. Таковыхъ причинъ, по заявленію собесѣдника Генерала Рузскаго, оказалось двѣ:

Во-первыхъ переходъ Лужскаго гарнизона на сторону возставшихъ и рѣшеніе, якобы вынесенное имъ, — никого не пропускать во Псковъ и обратно.

— Вторая причина, — пояснялъ М. В. Родзянко, — полученныя свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собою нежелательныя послѣдствія; невозможно, кромѣ того, оставить разбушевавшіяся народныя страсти безъ личнаго присутствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія.

Несомнѣнно, какъ мы теперь знаемъ, въ этомъ заключеніи краски были очень сгущены и степень вліянія Предсѣдателя Госуд. Думы на событія, какъ это и можно было усмотрѣть даже изъ дальнѣйшаго разговора, являлась въ значительной мѣрѣ преувеличенной.

Но въ то время подобной самооцѣнкѣ предсѣдателя Гос. Думы хотѣлось вѣрить, ибо она давала намъ надежду на то, что предложеніе Государя объ образованіи М. В. Родзянкой отвѣтственнаго передъ законодательными палатами Министерства, будетъ этимъ послѣднимъ принято и успокоитъ возникшія волненія .

— Государь, говорилъ Н. В. Рузскій, уполномочилъ меня довести объ его предложеніи до Вашего свѣдѣнія и освѣдомиться, не найдетъ ли желаніе Его Величества въ Васъ откликъ?

— Очевидно, отвѣчалъ М. В. Родзянко, Его Величество и Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что происходитъ въ столицѣ. Настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, побороть которую будетъ не такъ легко... Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и мало по малу наступила такая анархія, что Государствнной Думѣ вообще, а мнѣ въ частности, оставалось только попытаться взять въ свои руки движеніе и стать во главѣ, для того, чтобы предупредить возможность гибели государства...

***) Телеграфные переговоры полностью отпечатаны въ т. III „Архива Русской Революціи".**

— Къ сожалѣнію, сознавался Предсѣдатель Государственной Думы, въ противорѣчіи съ первыми его словами, мнѣ это далеко не удалось и народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно. Войска окончательно деморализованы и дѣло доходитъ до убійства офицеровъ. Ненависть къ Императрицѣ дошла до крайнихъ предѣловъ. Вынужденъ былъ, во избѣжаніе кровопролитія, арестовать всѣхъ Министровъ и заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, такъ какъ агитація направлена на все, что болѣе умѣренно. Считаю нужнымъ Васъ освѣдомить, что то, что предполагается Вами, теперь уже недостаточно и династическій вопросъ поставленъ ребромъ. Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ вопросомъ можно было справиться.

— Но вѣдь надо найти средство, отвѣчалъ Генералъ Рузскій, для умиротворенія страны и доведенія войны до конца, соотвѣтствующаго нашей Великой Родинѣ. — Не можете ли Вы мнѣ сказать, въ какомъ видѣ у Васъ намѣчается разрѣшеніе династическаго вопроса?

— Съ болью въ сердцѣ буду отвѣчать Вамъ, говорилъ Предсѣдатель Гос. Думы. — Ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я не говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, — рѣшилъ твердо довести войну до побѣднаго конца.

— Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизоны; то же самое повторяется во всѣхъ городахъ, нигдѣ нѣтъ разногласій; вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа. Грозныя требованія отреченія въ пользу сына, при регентствѣ Михаила Александровича, становятся вполнѣ опредѣленными...

— Присылка Генерала Иванова съ Георгіевскимъ баталіономъ, закончилъ свою рѣчь М. В. Родзянко, привела только къ междоусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающіяся своихъ офицеровъ, нѣтъ возможности. Кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ; примѣръ — вашъ отрядъ, головной эшелонъ котораго присоединился къ возставшему гарнизону города Луги. Остановите ненужныя жертвы...

— Войска въ направленіи Петрограда, отвѣчалъ Генералъ Рузскій, высланы по общей директивѣ Ставки. Теперь этотъ вопросъ ликвидируется и Генералу Иванову послано указаніе не предпринимать ничего до предполагавшагося свиданія его съ Государемъ въ столицѣ. Необходимо, однако, Михаилъ Владимировичъ, найти такой выходъ, который далъ бы странѣ немедленное умиротвореніе. Войска на фронтѣ съ томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что дѣлается въ тылу, а начальники лишены возможности сказать имъ свое авторитетное слово. — Государь идетъ навстрѣчу желаніямъ народа и было бы въ интересахъ родины, ведущей отвѣтственную войну, чтобы починъ Императора нашелъ отзывъ въ сердцахъ тѣхъ, кто можетъ остановить пожаръ.

— Вы, Николай Владимировичъ, выстукивалъ аппаратъ слова М. В. Родзянко, истерзали въ конецъ мое и такъ растерзанное сердце. Но повторяю Вамъ: я самъ вишу на волоскѣ и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ. Анархія достигаетъ такихъ размѣровъ, что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить Временное Правительство. Проектируемая Вами мѣра запоздала. Время упущено и возврата нѣтъ. Народныя страсти разгорѣлись въ

области ненависти и негодованія. Хотѣлость бы вѣрить, что хватитъ силъ удержаться въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь, какъ бы не было еще хуже... Желаю всего хорошаго... Родзянко.

— Михаилъ Владимировичъ, еще нѣсколько словъ. Имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно и, если анархія перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти, — подумайте, что будетъ тогда съ Родиной нашей...

— Николай Владимировичъ, не забудьте, что переворотъ можетъ быть добровольнымъ и вполнѣ для всѣхъ безболѣзненнымъ; тогда все кончится въ нѣсколько дней...

Этими словами, повидимому намекавшими на неизбѣжность добровольнаго отреченія Государя отъ Престола, разговоръ закончился... Ими отвѣтственность за грядущія событія перекладывалась какъ бы на плечи Н. В. Рузскаго, который въ теченіе всего этого времени мучительно искалъ наилучшаго выхода изъ создавшагося положенія, для возможности продолженія войны...

* *
*

По окончаніи бесѣды съ М. В. Родзянко, Генералъ Рузскій ушелъ къ себѣ отдыхать, я же оставался безъ сна, подавленный быстрымъ теченіемъ развертывавшихся событій.

Я очень опасался, что, при хорошо мнѣ извѣстномъ нерѣшительномъ и колеблющемся характерѣ Императора Николая, всѣ рѣшенія его могутъ оказться запоздалыми и потому не разрѣшающими надвигавшагося кризиса.

Около 9 часовъ утра 2-го марта я былъ вызванъ Генералъ-Квартирмейстеромъ Ставки къ телеграфному аппарату. Генералъ Лукомскій передалъ мнѣ просьбу Генерала Алексѣева немедленно довести до свѣдѣнія Государя содержаніе разговора Н. В. Рузскаго съ Родзянкой.

— А теперь, добавилъ онъ, прошу тебя доложить отъ меня Генералу Рузскому, что, по моему глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе Государя должно состояться.—Этого требуютъ интересы Россіи и династіи...

Опытъ войны научилъ меня въ серьезной обстановкѣ избѣгать больше всего суеты и дорожить отдыхомъ окружающихъ, такъ какъ неизвѣстно, насколько придется форсировать ихъ силы въ будущемъ. Зная, что Генералъ Рузскій только недавно прилегъ и что онъ вскорѣ долженъ будетъ подняться, чтобы ѣхать на вокзалъ къ Государю, который вѣроятно также еще отдыхаетъ, я отвѣтилъ, что разговоръ Генерала Рузскаго съ Предсѣдателемъ Гос. Думы будетъ доложенъ «своевременно».

Что касается послѣднихъ словъ Генерала Лукомскаго, то изъ нихъ я не могъ не вывести того заключенія, что въ Ставкѣ наиболѣе отвѣтственныя лица присоединялись къ мнѣнію М. В. Родзянко о неизбѣжности отреченія Императора Николая II-го отъ престола. — Я счелъ, однако, необходимымъ предупредить Ставку о трудности немедленнаго полученія отъ Государя опредѣленнаго рѣшенія по сему поводу.

И дѣйствительно, какъ я предвидѣлъ, не обошлось безъ колебаній. — Пріѣхавъ къ 10 часамъ утра на вокзалъ и войдя въ вагонъ къ Государю, разсказывалъ впослѣдствіи Генералъ Рузскій, Главнокомандующій просилъ

Императора Николая ознакомиться съ содержаніемъ своего ночного разговора съ М. В. Родзянкой, путемъ прочтенія соотвѣтствующей телеграфной ленты. Государь взялъ листки съ наклеенной на нихъ лентой и внимательно прочелъ ихъ. Затѣмъ онъ поднялся, подошелъ къ окну вагона, въ которое и сталъ пристально всматриваться. Генералъ Рузскій также привсталъ со своего кресла. Послѣ нѣсколькихъ очень тягостныхъ секундъ молчанія, Государь повернулся къ Главнокомандующему и сталъ сравнительно спокойнымъ голосомъ обсуждать создавшееся положеніе, указывая на тѣ трудности, которыя препятствуютъ ему пойти на встрѣчу предлагаемому рѣшенію...

Но въ это время Генералу Рузскому подали конвертъ съ дополнительно присланною ему мною телеграммой отъ Генерала Алексѣева, на имя Главнокомандующихъ всѣми фронтами. — Телеграмма эта была отправлена изъ Ставки въ 10 ч. 15 м. утра.

Въ этой телеграммѣ излагалась общая обстановка, какъ она была обрисована М. В. Родзянкой, въ разговорѣ съ Генераломъ Рузскимъ, и приводилось мнѣніе Предсѣдателя Гос. Думы о томъ, что спокойствіе въ странѣ, а слѣдовательно и возможность продолженія войны, могутъ быть достигнуты только при условіи отреченія Императора Николая II отъ престола въ пользу его сына, при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

— Обстановка повидимому не допускаетъ иного рѣшенія, добавлялъ отъ себя Генералъ Алексѣевъ. — Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала, продолжить до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, спасти независимость Россіи и судьбу Династіи. — Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣною дорогихъ уступокъ.

— Если Вы раздѣляете этотъ взглядъ, обращался далѣе Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго ко всѣмъ Главнокомандующимъ фронтами, то не благоволите ли Вы телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Его Величеству, извѣстивъ меня?

Данной телеграммой Генералъ Алексѣевъ привлекалъ къ обсужденію вопроса о необходимости отреченія Императора Николая II отъ престола всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами. — Каждому изъ нихъ предстояло, отбросивъ всѣ личныя ощущенія, серьезно взвѣсить, возможно ли расчитывать на доведеніе до благополучнаго конца внѣшней войны, при условіи отрицательнаго отношенія къ мысли объ отреченіи и вѣроятнаго возникновенія въ этомъ случаѣ кровавой междуусобицы внутри государства, а можетъ быть и на фронтѣ...

Въ виду такого направленія вопроса, Государь, по совѣту Н. В. Рузскаго, и согласился прежде принятія окончательнаго рѣшенія выждать полученія соотвѣтственныхъ отвѣтовъ.

* *
*

Въ теченіе утреннихъ часовъ въ штабѣ Сѣвернаго фронта разновременно полученъ былъ рядъ весьма серьезныхъ сообщеній.

Поступило извѣщеніе о томъ, что Собственный Его Величества Конвой, остававшійся въ Петроградѣ, якобы послѣдовалъ примѣру другихъ частей и являлся въ Государственную Думу, прося черезъ своихъ уполномоченныхъ

разрѣшенія арестовать тѣхъ офицеровъ, которые отказывались принимать участіе въ возстаніи.

Почти всѣхъ людей этого Конвоя Государь и вся Царская семья знали поименно; очень баловали ихъ, почему переходъ этой части на сторону возставшихъ долженъ былъ быть особо показательнымъ, въ смыслѣ оцѣнки настроеній; самый же фактъ этотъ долженъ былъ быть очевидно весьма тягостнымъ для Государя лично.

Также получено свѣдѣніе, будто остававшійся въ Петроградѣ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, какъ значилось въ соотвѣтственной телеграммѣ, выразилъ желаніе «вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ».

Наконецъ получена была на имя Государя отъ Генерала Алексѣева телеграмма, долженствовавшая имѣть рѣшающее значеніе. Въ ней текстуально передавалось содержаніе овѣтныхъ ходатайствъ на Высочайшее имя Главнокомандующихъ: Кавказскаго фронта — Великаго Князя Николая Николаевича, Юго-Западнаго фронта — Генерала Брусилова и Западнаго фронта — Генерала Эверта.

Въ разныхъ выраженіяхъ всѣ три упомянутые лица просили Императора Николая II-го принять рѣшеніе, высказанное Предсѣдателемъ Государственной Думы, признавая его единственнымъ, могущимъ спасти Россію, Династію и армію, необходимую для доведенія войны до благополучнаго конца.

Передавая эти телеграммы, Начальникъ штаба Государя и со своей стороны обращался къ Императору Николаю II съ горячей просьбой принять рѣшеніе объ отреченіи, которое, какъ выражался Генералъ Алексѣевъ, «можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжкаго положенія».

Нѣсколько позднѣе получены были телеграммы отъ Главнокомандующаго Румынскимъ фронтомъ Генерала Сахарова и Командующаго Балтійскимъ флотомъ Вице-Адмирала Непенина.

Генералъ Сахаровъ, послѣ короткаго и мало достойнаго, по редакціи, лирическаго вступленія, которое онъ назвалъ «движеніемъ сердца и души», оказался все же вынужденнымъ обратиться, какъ онъ выразился, «къ логикѣ разума». — Считаясь съ послѣдней, онъ также признавалъ, что «пожалуй» наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ внѣшнимъ врагомъ, является рѣшеніе объ отреченіи, «дабы промедленіе не дало пищу къ предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ притязаній»!

Вице-Адмиралъ Непенинъ, присоединившись къ ходатайствамъ Главнокомандующихъ, добавлялъ:

— Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя мнѣ войска. ...Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ же часовъ, то это повлечетъ за собой катастрофу съ неисчислимыми бѣдствіями для нашей Родины.

Такимъ образомъ всѣ запрошенныя лица высказались за необходимость отреченія Императора Николая II-го отъ престола, при чемъ доминирующимъ мотивомъ служило стремленіе обезпечить возможность доведенія Россіи до побѣднаго конца войны...

* *
*

За раннимъ обѣдомъ въ домѣ Главнокомандующаго, Генералъ Рузскій обратился ко мнѣ и къ Генералу Савичу, Главному Начальнику Снабженій армій фронта, съ просьбой быть, вмѣстѣ съ нимъ, на послѣобѣденномъ докладѣ у Государя Императора.

— Ваши мнѣнія, какъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ, будутъ очень цѣнными, какъ подкрѣпленіе къ моимъ доводамъ. — Государь уже освѣдомленъ о томъ, что я пріѣду къ нему съ вами...

Возражать не приходилось и около 2½ часовъ дня мы втроемъ уже входили въ вагонъ къ Государю.

* *
*

Императоръ Николай ждалъ нашего прибытія въ хорошо намъ уже извѣстномъ зеленомъ салонѣ вагона—столовой. Наружно онъ казался спокойнымъ, но выглядѣлъ блѣднѣе обыкновеннаго и на лицѣ его между глазами легли двѣ глубокія складки, свидѣтельствовавшія о безсонной ночи и переживаемыхъ имъ тревогахъ. Государь былъ одѣтъ все въ тотъ же темно-сѣрый кавказскій бешметъ, съ погонами пластунскаго батальона его имени, и перепоясанъ тонкимъ чернымъ ремешкомъ съ серебряными пряжками; на этомъ поясѣ спереди висѣлъ кинжалъ въ ножнахъ, оправленный также серебромъ.

Привѣтливо встрѣтивъ насъ, Государь попросилъ всѣхъ сѣсть и курить, но я и Генералъ Савичъ невольно продолжали стоять, подъ давленіемъ крайней отвѣтственности предстоявшей бесѣды. Самъ Государь и утомленный всѣмъ предыдущимъ Главнокомандующій сѣли за столъ другъ противъ друга. Генералъ Рузскій сталъ медленно и отчетливо докладывать о всѣхъ полученныхъ за послѣднія часы свѣдѣніяхъ. Когда очередь дошла до телеграммы Генерала Алексѣева, съ заключеніями Главнокомандующихъ, то Генералъ Рузскій положилъ телеграфные листки на столъ передъ Государемъ и просилъ прочесть ихъ лично.

Давъ время Государю для внимательнаго ознакомленія съ содержаніемъ телеграммы, Генералъ Рузскій высказалъ твердо и опредѣленно свое мнѣніе, заключавшееся въ невозможности для Государя, при данныхъ условіяхъ, принять какое либо иное рѣшеніе, кромѣ того, которое вытекало изъ совѣтовъ всѣхъ запрошенныхъ лицъ.

— Но вѣдь, что скажетъ югъ, возразилъ Государь, вспоминая о своей поѣздкѣ съ Императрицей по южнымъ городамъ, гдѣ, какъ намъ передавали, Царскую чету встрѣчали съ энтузіазомъ!.. — Какъ, наконецъ, отнесется къ этому акту казачество!.. и голосъ его сталъ вибрировать, повидимому отъ горькаго воспоминанія о только что прочитанномъ ему донесеніи, касавшемся казаковъ его конвоя.

— Ваше Величество, сказалъ Генералъ Рузскій, вставая, — я Васъ прошу еще выслушать мнѣніе моихъ помощниковъ, — и онъ указалъ на насъ. — Они самостоятельные и прямые люди, глубоко любящіе Россію; притомъ же по своей службѣ, они прикасаются къ большему кругу лицъ, чѣмъ я. Ихъ мнѣніе объ общей оцѣнкѣ положенія полезно.

— Хорошо, сказалъ Государь, но только прошу высказываться вполнѣ откровенно.

Мы всѣ очень волновались. — Государь обратился ко мнѣ первому.

— Ваше Императорское Величество, сказалъ я. — Мнѣ хорошо извѣстна сила Вашей любви къ Родинѣ. И я увѣренъ, что ради нея, ради спасенія династіи и возможности доведенія войны до благополучнаго конца, Вы принесете ту жертву, которую отъ Васъ требуетъ обстановка. Я не вижу другого выхода изъ положенія, помимо намѣченнаго Предсѣдателемъ Государственной Думы и поддерживаемаго старшими начальниками Дѣйствующей арміи!..

— А Вы какого мнѣнія, обратился Государь къ моему сосѣду Генералу Савичу, который видимо съ трудомъ сдерживалъ душившій его порывъ волненія.

— ...Я я... человѣкъ прямой,... о которомъ Вы, Ваше Величество, вѣроятно слышали отъ Генерала Дедюлина*), пользовавшагося Вашимъ исключительнымъ довѣріемъ... Я въ полной мѣрѣ присоединяюсь къ тому, что доложилъ Вашему Величеству Генералъ Даниловъ...

Наступило гробовое молчаніе...

Государь подошелъ къ столу и нѣсколько разъ, повидимому не отдавая себѣ отчета, взглянулъ въ вагонное окно, прикрытое занавѣской. — Его лицо, обыкновенно мало-подвижное, непроизвольно перекосилось какимъ то никогда мною раньше не наблюдавшимся движеніемъ губъ въ сторону. — Видно было, что въ душѣ его зрѣетъ какое то рѣшеніе, дорого ему стоющее!...

Наступившая тишина ничѣмъ не нарушалась. — Двери и окна были плотно прикрыты. — Скорѣе бы... скорѣе кончиться этому ужасному молчанію!...

Рѣзкимъ движеніемъ Императоръ Николай вдругъ повернулся къ намъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Я рѣшился... Я рѣшилъ отказаться отъ Престола въ пользу своего сына Алексѣя... Приэтомъ онъ перекрестился широкимъ крестомъ. — Перекрестились и мы...

— Благодарю Васъ всѣхъ за доблестную и вѣрную службу. — Надѣюсь, что она будетъ продолжаться и при моемъ сынѣ.

Минута была глубоко-торжественная.

Обнявъ Генерала Рузскаго и тепло пожавъ намъ руки, Императоръ медленными задерживающимися шагами прошелъ въ свой вагонъ.

Мы, присутствовавшие при всей этой сценѣ, невольно преклонились передъ той выдержкой, которая проявлена была только что отрекшимся Императоромъ Николаемъ въ эти тяжелыя и отвѣтственныя минуты...

* *
*

Какъ это часто бываетъ послѣ долгаго напряженія, нервы какъ то сразу сдали... Я какъ въ туманѣ помню, что, вслѣдъ за уходомъ Государя, кто-то вошелъ къ намъ и о чемъ то началъ разговоръ. — Повидимому, это были ближайшіе къ Царю лица... Всѣ были готовы говорить о чемъ угодно,

---

*) Бывшій Дворцовый Комендантъ, личный другъ Генерала С. С. Савича.

только не о томъ, что являлось самымъ важнымъ и самымъ главнымъ въ данную минуту... Впрочемъ, дряхлый графъ Фредериксъ, кажется, пытался сформулировать свои личныя ощущенія!.. Говорилъ еще кто то... и еще кто то... ихъ почти не слушали...

Вдругъ вошелъ самъ Государь. — Онъ держалъ въ рукахъ два телеграфныхъ бланка, которые передалъ Генералу Рузскому, съ просьбой объ ихъ отправкѣ.

Листки эти Главнокомандующимъ были переданы мнѣ, для исполненія.

— «Нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. — Посему я готовъ отречься отъ Престола въ пользу Моего Сына, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата моего — Михаила Александровича».

Такими словами, обращенными къ Предсѣдателю Госуд. Думы, выражалъ Императоръ Николай II принятое имъ рѣшеніе.

— «Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ Престола въ пользу моего Сына. — Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно», освѣдомлялъ онъ о томъ же своего Начальника Штаба телеграммой въ Ставку.

Какіе красивые порывы, подумалъ я, заложены въ душѣ этого человѣка, все горе и несчастье котораго въ томъ, что онъ былъ дурно окруженъ!..

* *
*

Было около четырехъ часовъ дня, когда мы выходили изъ вагона. — На дебаркадерѣ Генералу Рузскому была подана присланная изъ штаба телеграмма о совершенно неожиданномъ для насъ пріѣздѣ въ тотъ же день вечеромъ изъ Петрограда двухъ видныхъ членовъ Законодательныхъ Палатъ: члена Государственнаго Совѣта — А. И. Гучкова и члена Госуд. Думы В. В. Шульгина. — Съ какой миссіей ѣдутъ они къ намъ во Псковъ? Мысль объ этомъ осложняла обстановку и намъ казалось, что прежде чѣмъ на что либо рѣшиться безповоротно — осторожнѣе было выждать прибытія упомянутыхъ лицъ.

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, Генералъ Рузскій вернулся въ вагонъ къ Государю, который, одобривъ сдѣланный ему докладъ Генерала Рузскаго, повелѣлъ задержать отправку по назначенію заготовленныхъ телеграммъ.

Въ ожиданіи прибытія депутатовъ изъ столицы, я возвратился къ себѣ въ штабъ; Главнокомандующій же рѣшилъ остаться въ своемъ вагонѣ на вокзалѣ.

Въ штабѣ меня буквально разрывали на части; поминутно вызывали къ аппарату изъ Ставки, гдѣ видимо очень тревожились неполученіемъ опредѣленнаго рѣшенія.

Въ этотъ періодъ времени изъ Могилева отъ Генерала Алексѣева былъ полученъ проектъ Манифеста, на случай, если бы Государь принялъ рѣшеніе о своемъ отреченіи, въ пользу Цесаревича Алексѣя. Проекъ этого Манифеста, насколько я знаю, былъ составленъ Директоромъ Дипломатиче-

ской Канцеляріи при Верховномъ Главнокомандующемъ Н. А. Базили, по общимъ указаніямъ Генерала Алексѣева.

По полученіи проекта манифеста я немедленно отправилъ таковой Генералу Рузскому въ его вагонъ.

* *
*

Около 10-ти часовъ вечера я получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи поѣзда съ ѣхавшими къ намъ депутатами и потому отправился снова на вокзалъ.

Я нашелъ Генерала Рузскаго въ его вагонѣ выслушивавшимъ докладъ Коменданта города Пскова. Послѣдній только что получилъ сообщеніе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ, о движеніи со стороны Луги по шоссе на Псковъ броневыхъ автомобилей съ солдатами, принадлежавшими къ Лужскому гарнизону.

Надо сказать, что разнаго рода тревожнымъ слухамъ въ то время не было конца, почему къ нимъ и надлежало въ общемъ относиться съ большою осторожностью. — Тѣмъ не менѣе вышеупомянутое извѣстіе, въ виду перехода Луги на сторону возставшихъ и нахожденія на ст. Псковъ Императорскаго поѣзда, очень взволновало всегда спокойнаго Главнокомандующаго и онъ тутъ же отдалъ рядъ распоряженій объ остановкѣ этихъ автомобилей силою, не допуская до Пскова.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Генералъ Рузскій сообщилъ мнѣ, что имъ отдано распоряженіе о передачѣ ожидаемымъ депутатамъ просьбы пройти къ нему въ вагонъ, прежде представленія Императору, дабы предварительно освѣдомиться «съ чѣмъ они пріѣхали»; затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ все, что произошло въ мое отсутствіе.

— Обдумывая наединѣ еще и еще разъ положеніе, сказалъ мнѣ Н. В. Рузскій, и принявъ въ соображеніе, что сюда ѣдетъ В. В. Шульгинъ (слывшій у насъ всегда убѣжденнымъ и лояльнымъ монархистомъ), мнѣ пришла въ голову мысль — не повернулись ли дѣла въ столицѣ такимъ образомъ, что отреченіе Государя явится ненужнымъ и что страна окажется удовлетворенной созданіемъ отвѣтственнаго Министерства.

— Это прежде всего доказываетъ правильность Вашего совѣта Государю — не отправлять телеграммъ объ отреченіи до бесѣды съ ожидаемыми депутатами, отвѣтилъ я.

— Да, но мнѣ думается, что въ Царскомъ поѣздѣ происходятъ какія то колебанія въ этомъ отношеніи. Я вижу это изъ того, что Государь присылалъ ко мнѣ Нарышкина*) взять назадъ отданныя мнѣ временно на храненіе телеграммы.

— Какъ же поступили Вы, Николай Владимировичъ? — спросилъ я.

— Я сказалъ Нарышкину, что буду по этому поводу съ личнымъ докладомъ у Государя и затѣмъ дѣйствительно прошелъ въ вагонъ къ Его Величеству. — Государь объяснилъ мнѣ свое требованіе о возвращеніи телеграммъ его настоятельнымъ желаніемъ не отправлять таковыя впредь до новаго распоряженія. — Я успокоилъ его въ этомъ отношеніи и телеграммы

---

*) **Одинъ изъ Флигель-адъютантовъ Императора Николая II.**

остались у меня. — Но въ этомъ эпизодѣ, добавилъ Генералъ Рузскій, я усмотрѣлъ наличіе въ Царскомъ вагонѣ какихъ то новыхъ колебаній...

Только впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что Государь въ этотъ періодъ дня долгое время совѣщался съ Лейбъ-Хирургомъ Профессоромъ С. П. Федоровымъ о здоровьѣ своего сына.

Получивъ новое подтвержденіе о неизлечимой болѣзни Цесаревича Алексѣя, Государь Императоръ видимо тогда же рѣшилъ измѣнить характеръ своего отреченія и отказаться отъ Престола не только за себя, но и за сына; Генералу Рузскому онъ однако о своемъ новомъ рѣшеніи не сказалъ ни слова.

* *
*

Чрезвычайно живо описывается въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ тотъ, скажу—«подсознательный» процессъ, который въ концѣ концовъ вылился въ опредѣленную мысль о неизбѣжности немедленнаго отреченія отъ престола Императора Николая.

Однако, авторы этихъ воспоминаній ошибаются, когда говорятъ, что мысль эта была впервые оформлена не въ столицѣ, а въ Ставкѣ, и при этомъ называютъ, въ цѣляхъ обвиненія, имя Генерала Алексѣева.

Изъ приведеннаго выше мною разсказа видно, что уже въ ночь на 2-ое марта Предсѣдатель Государственной Думы, во время своей бесѣды съ Н. В. Рузскимъ, опредѣленно затронулъ династическій вопросъ. — Что же касается Генерала Алексѣева, то послѣдній лишь присоединился къ мысли, высказанной по этому вопросу М. В. Родзянкой, и передалъ ее на заключеніе Главнокомандующихъ фронтами въ телеграммѣ того же 2-го марта, но отправленной изъ Ставки, какъ мною уже отмѣчалось, лишь утромъ названнаго числа.

Я не думаю, чтобы починъ въ вопросѣ объ отреченіи могъ имѣть какое либо рѣшающее значеніе, ибо мысль о неизбѣжности таковаго отреченія зарождалась у массы людей, и притомъ у части ихъ — задолго даже до возникновенія сейчасъ описываемыхъ событій. Вытекала же она изъ оцѣнки ими реальной обстановки того времени И если я счелъ необходимымъ остановить на данномъ обстоятельствѣ вниманіе моихъ читателей, то лишь въ интересахъ исторической точности хода событій.

Важно, наоборотъ, отмѣтить, что уже къ ночи на 2-ое марта, эта мысль созрѣла и въ Петроградѣ и въ Ставкѣ окончательно и что она стала обсуждаться громко, но не въ качествѣ принудительнаго революціоннаго «дѣйства», а какъ лояльный актъ, долженствовавшій исходить сверху и казавшійся наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ изъ создавшагося тупика.

Въ такой постановкѣ вопросъ подвергся обсужденію и во Временномъ Комитетѣ членовъ Государственной Думы, причемъ этотъ Комитетъ пришелъ къ выводу о желательности доведенія его заключенія до свѣдѣнія Государя. Точно также было поступлено и Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, равно Главнокомандующими всѣми фронтами, представившими честно и откровенно свои мнѣнія на Высочайшее воззрѣніе. Здѣсь не было потому ни «измѣны», ни тѣмъ болѣе «предательства».

Эти слова, найденныя впослѣдствіи въ дневникѣ отрекшагося Императора, должны были быть отнесены конечно не къ тѣмъ, кто бралъ на себя

рѣшимость высказываться въ столь трудное время о возможныхъ выходахъ изъ положенія, но скорѣе къ тѣмъ, кто, горой стоя за устарѣвшія формы самодержавія въ дни «силы» послѣдняго, — исчезъ съ лица земли въ рѣшительную минуту и оставилъ Царя, какъ жертву и искупленіе за упрямое безуміе его прежнихъ совѣтниковъ!

Для выполненія отвѣтственной задачи по освѣдомленію Императора Николая II о томъ, что Комитетъ Государственной Думы находитъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія его отреченіе, въ пользу сына Императора и для доставленія, въ случаѣ согласія Государя съ этимъ мнѣніемъ, соотвѣтствующаго манифеста, добровольно вызвались выѣхать во Псковъ А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ. Оба эти лица, принадлежа къ монархическимъ партіямъ, насколько мнѣ это извѣстно, полагали, что передача акта объ отреченіи Императора Николая II, въ пользу его сына, черезъ нихъ не будетъ знаменовать окончательнаго крушенія въ Россіи Монархіи вообще и династіи въ частности. Правда, А. И. Гучковъ былъ изъ числа тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ особенно не любили при Дворѣ, считая ихъ лидерами оппозиціи и врагами «святого старца», но тамъ, при Дворѣ, простодушно полагали вообще, что всякая оппозиція вредна и непремѣнно несетъ въ себѣ зародыши революціонности. Во всякомъ случаѣ совсѣмъ иначе могло быть истолковано дѣло отреченія, если бы въ поѣздкѣ къ Царю приняли участіе представители лѣвыхъ партій, какъ объ этомъ одно время шли разговоры въ Таврическомъ Дворцѣ.

— Я отлично понимаю, почему я ѣду, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. В. Шульгинъ. Я чувствовалъ, что невозможно поставить Государя лицомъ къ лицу съ «Чхеидзе». Отреченіе должно быть передано въ руки монархистовъ и ради спасенія монархіи!..

Такъ ставился вопросъ въ то время лояльными кругами..

* *
*

Около 10 часовъ веч. 2-го марта къ концу длинной платформы ст. Псковъ подошелъ поѣздъ, доставившій изъ столицы депутатовъ. — Поѣздъ собственно состоялъ изъ паровоза и только одного вагона. Половину послѣдняго, какъ доложилъ впослѣдствіи Комендантъ станціи, занималъ салонъ; другая же половина была подраздѣлена на нѣсколько отдѣленій, съ длинными поперечными диванами въ каждомъ изъ нихъ.

Генералъ Рузскій и я, думая, что пріѣхавшіе, согласно переданной имъ просьбѣ, зайдутъ предварительно къ намъ, стали поджидать депутатовъ въ вагонѣ Главнокомандующаго; но прошло нѣсколько минутъ и никто не появлялся. — Я вышелъ тогда на платформу узнать въ чемъ дѣло и издали увидѣлъ въ темнотѣ прихрамывающую фигуру А. И. Гучкова въ теплой шапкѣ и пальто съ барашковымъ воротникомъ; рядомъ съ нимъ шелъ В. В. Шульгинъ. — Оба они были окружены, словно конвоемъ, нѣсколькими желѣзнодорожниками, вышедшими по обязанности службы встрѣчать столичныхъ гостей; впереди же двигавшейся къ царскому поѣзду группы шелъ дежурный флигель-адъютантъ, кажется Полковникъ Мордвиновъ или Герцогъ Лейхтенбергскій.

Я понялъ, что изъ царскаго поѣзда послѣдовало депутатамъ приглашеніе — прослѣдовать непосредственно къ Государю; поэтому, пропустивъ

мимо себя шедшихъ, я вернулся въ вагонъ и подѣлился своимъ выводомъ съ Генераломъ Рузскимъ.

— Ну что-же, сказалъ послѣдній, у насъ нѣтъ никакихъ тайныхъ соображеній, чтобы пытаться измѣнить установленный сверху порядокъ встрѣчи. Я думаю, что для дѣла было бы полезнѣе предварительно обсудить создавшуюся обстановку до пріема Государемъ Гучкова и Шульгина. — Теперь же подождемъ здѣсь, пока за нами пришлютъ.

* *
*

Черезъ нѣкоторое время мы — не помню теперь черезъ кого — получили приглашеніе Государя пройти къ нему въ вагонъ.

Въ прихожей вагона на вѣшалкѣ висѣли два какъ будто мнѣ уже знакомыхъ штатскихъ пальто; почему то рѣзкимъ пятномъ они бросились мнѣ въ глаза.

— Они уже тамъ, мелькнуло у меня въ мозгу!..

И дѣйствительно! — Въ хорошо знакомомъ мнѣ зеленоватомъ салонѣ за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ, придвинутымъ къ стѣнѣ, сидѣли съ одной стороны Государь, а по другую сторону лицомъ ко входу А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ.

Тутъ же, если не ошибаюсь, сидѣлъ или стоялъ, точно призракъ въ туманѣ, 78-милѣтній старикъ — графъ Фредериксъ...

На Государѣ былъ все тотъ же сѣрый бешметъ и сбоку на ремнѣ висѣлъ длинный кинжалъ.

Депутаты были одѣты по дорожному: въ пиджакахъ и имѣли «помятый» видъ... Очевидно, на нихъ отразились предыдущія безсонныя ночи, путешествіе и волненія... Особенно устало выглядѣлъ Шульгинъ, къ тому же, какъ казалось, менѣе владѣвшій собою... Воспаленные глаза, плохо выбритые щеки, съѣхавшій нѣсколько на сторону галстукъ, вокругъ измятаго въ дорогѣ воротника...

Генералъ Рузскій и я, при входѣ, молча поклонились. — Главнокомандующій присѣлъ у стола, а я помѣстился поодаль — на угловомъ диванѣ.

Вся мебель гостиной была сдвинута со своихъ обычныхъ мѣстъ къ стѣнамъ вагона и посрединѣ образовалось свободное пространство.

Кончалъ говорить Гучковъ. — Его ровный мягкій голосъ произносилъ тихо, но отчетливо роковыя слова, выражавшія мысль о неизбѣжности отреченія Государя въ пользу Цесаревича Алексѣя, при регентствѣ Вел. Кн. Михаила Александровича...

— Къ чему эти повторенія, подумалъ я, упустивъ изъ виду, что депутатамъ неизвѣстно рѣшеніе Государя, уже принятое днемъ, за много часовъ до ихъ пріѣзда...

Въ это время плавная рѣчь Гучкова какъ бы перебилась голосомъ Государя.

— Сегодня въ 3 часа дня я уже принялъ рѣшеніе о собственномъ отреченіи, которое и остается неизмѣннымъ. — Вначалѣ я полагалъ передать престолъ моему сыну Алексѣю, но затѣмъ, обдумавъ положеніе, перемѣнилъ свое рѣшеніе и нынѣ отрекаюсь за себя и своего сына, въ пользу моего брата — Михаила... Я желалъ бы сохранить сына при себѣ и вы конечно

поймете, — произнесъ онъ волнуясь, — тѣ чувства, которыя мною руководятъ въ данномъ желаніи...

Содержаніе послѣднихъ словъ было для Генерала Рузскаго и меня полною неожиданностью! Мы переглянулись, но очевидно, ни онъ, ни тѣмъ болѣе я не могли вмѣшаться въ разговоръ, который велся между Государемъ и членами законодательныхъ палатъ и при которомъ мы лишь присутствовали, въ качествѣ свидѣтелей.

Къ немалому моему удивленію, противъ рѣшенія, объявленнаго Государемъ, не протестовали ни Гучковъ, ни Шульгинъ...

Государь, нѣсколько помолчавъ, всталъ, намѣреваясь пройти въ свой вагонъ. Поднялись со своихъ мѣстъ и всѣ мы, молча и почтительно проводивъ Императора взглядами...

* *
*

А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ отошли въ уголъ вагона и стали о чемъ то въ полъ-голоса совѣщаться.

Выждавъ нѣсколько, я подошелъ къ Гучкову, котораго зналъ довольно близко по предшествовавшей совмѣстной работѣ въ комиссіи обороны Государственной Думы. — А. И. долго былъ Предсѣдателемъ этой Комиссіи, я же часто ее посѣщалъ, въ качествѣ представителя Главнаго управленія Генеральнаго Штаба, по различнымъ вопросамъ военнаго характера.

— Скажите, Александръ Ивановичъ, спросилъ я, насколько рѣшеніе Императора Николая II отречься отъ престола не только за себя, но и за сына является согласованнымъ съ нашими основными законами?.. Не вызоветъ ли такое рѣшеніе въ будущемъ тяжелыхъ послѣдствій?

Не думаю, отвѣтилъ мой собесѣдникъ, но если вопросъ этотъ Васъ интересуетъ болѣе глубоко, обратитесь съ нимъ къ В. В. Шульгину, который у насъ является спеціалистомъ по такого рода государственно-юридическимъ вопросамъ. — И тутъ же Гучковъ познакомилъ меня съ Шульгинымъ, съ которымъ я до того времени знакомъ не былъ.

— Видите-ли, сказалъ В. В., выслушавъ меня; несомнѣнно здѣсь юридическая неправильность. — Но съ точки зрѣнія практической, которая сейчасъ должна превалировать, я долженъ высказаться въ пользу принятаго рѣшенія. — При воцареніи Цесаревича Алексѣя будетъ весьма трудно изолировать его отъ вліянія отца и, главное, матери, столь ненавидимой въ Россіи. — При такихъ условіяхъ останутся прежнія вліянія и самый отходъ отъ власти родителей малолѣтняго Императора станетъ фиктивнымъ; едва ли такимъ рѣшеніемъ удовлетворится страна. — Если же отстранить отца и мать совсѣмъ отъ ребенка, то этимъ будетъ косвенно еще болѣе подорвано слабое здоровье Цесаревича Алексѣя, не говоря уже о томъ, что его воспитаніе явится ненормальнымъ. — Терновымъ вѣнкомъ страданій будутъ увѣнчаны головы всѣхъ троихъ!..

Возбужденный мною вопросъ, нынѣ, послѣ трагической смерти всѣхъ лицъ, о коихъ шла рѣчь, потерялъ конечно всякое практическое значеніе. Но въ то время я считалъ его весьма важнымъ, могущимъ имѣть серьезныя послѣдствія. Поэтому я чувствовалъ удовлетвореніе въ томъ, что имѣлъ случай довести о немъ до свѣдѣнія тѣхъ, кто получилъ отъ Временнаго Комитета Государственной Думы полномочія урегулировать вопросъ отре-

ченія и, въ случаѣ согласія на это Государя, привезти въ столицу соотвѣтственный документъ.

Дальнѣйшій разговоръ какъ то не клеился...

Графъ Фредериксъ пытался, кажется, узнать у депутатовъ подробности сожженія его дома въ столицѣ, во время котораго, какъ говорили, была сильно напугана его больная жена.

Но видно было, что и у почтеннаго восьмидесятилѣтняго старца его личные заботы отходили на второй планъ и что онъ полонъ былъ мыслями о тѣхъ событіяхъ, кои совершались передъ его глазами...

Минуты казались часами...

* *
*

Но вотъ, наконецъ, вошелъ Государь и принесъ съ собою текстъ манифеста, отпечатанный на пишущей машинкѣ на нѣсколькихъ бѣлыхъ листкахъ телеграфныхъ бланковъ. Насколько помню, это и былъ тотъ проектъ, который составляли въ Ставкѣ, но только нѣсколько видоизмѣненный, соотвѣтственно послѣднему рѣшенію Государя.

Депутаты внимательно ознакомились съ содержаніемъ манифеста и просили о вставкѣ въ его текстъ нѣсколькихъ словъ, казавшихся имъ необходимыми. Государь, не возражая, охотно исполнилъ эту просьбу.

Затѣмъ Государемъ тутъ же у столика былъ набросанъ текстъ двухъ указовъ Правительствующему Сенату: одинъ—о бытіи Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича, и другой указъ — о назначеніи Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Князя Георгія Евгеніевича Львова.

Вопросъ о передачѣ Верховнаго Главнокомандованія Великому Князю, подсказанный, насколько помню, Н. В. Рузскимъ, казался всѣмъ очевидно безспорнымъ; что же касается второго назначенія, то таковое было сдѣлано въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ, выраженнымъ присутствовавшими при этомъ депутатами.

Побесѣдовавъ еще нѣсколько минутъ, Государь распростился со всѣми; привѣтливо пожалъ всѣмъ намъ руки и удалился къ себѣ въ вагонъ.

Я больше не видѣлъ отрекшагося Императора...

Всѣ стали выходить изъ вагона... Слѣдуя сзади всѣхъ, я оглянулся, чтобы бросить послѣдній взглядъ на опустѣвшій салонъ, служившій нѣмымъ свидѣтелемъ столь важнаго событія. Небольшіе художественные часы на стѣнѣ вагона показывали безъ четверти двѣнадцать. На красномъ коврѣ пола валялись скомканные клочки бумаги...

У стѣнъ безпорядочно стояли отодвинутые стулья... По рединѣ вагона съ особой рельефностью зіяло пустое пространство, точно его занималъ только что вынесенный гробъ съ тѣломъ усопшаго!..

Почти 23 года Императоръ Николай находился во главѣ страны, занимавшей одну шестую часть земной поверхности и имѣвшую населеніе около 170 милл. человѣкъ!..

Начиналась новая, неизвѣстная тогда еще глава въ исторіи Россіи...

* *
*

По окончанiи прiема у отрекшагося Императора, Главнокомандующiй Сѣвернымъ фронтомъ Генералъ Рузскiй пригласилъ прiѣхавшихъ изъ столицы депутатовъ въ свой вагонъ. — Надо было дождаться переписки набѣло манифеста и указовъ, равно какъ подписанiя ихъ Государемъ. — Надо было также дать нѣкоторую передышку депутатамъ, потрясеннымъ всѣмъ пережитымъ, прежде отправленiя ихъ въ Петроградъ, въ обратный путь...

Выйдя на темноватую, плохо освѣщенную платформу, мы къ удивленiю своему увидѣли довольно большую толпу людей, молчаливо и почтительно державшуюся въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ царскаго поѣзда. — Какъ проникли эти люди на оцѣпленный со всѣхъ сторонъ вокзалъ? На этомъ вопросѣ не пришлось останавливаться. Да и какъ было препятствовать стремленiю русскихъ людей въ эти рѣшительныя минуты быть поближе къ центру событiй?!..

Къ толпѣ подошелъ Гучковъ. — Онъ что-то говорилъ имъ, — повидимому трогательное, волнующее...

Видно было, какъ люди снимали шапки, крестились — не то прощаясь съ прошлымъ, не то обращаясь взоромъ къ неизвѣстному будущему... Поражало то спокойствiе, почти величавость, съ которымъ Псковичи встрѣтили вступленiе Россiи на новый путь!.. Что-то ожидаетъ ихъ на этомъ пути?.. — думалось мнѣ.

* *
*

Черезъ часъ или полтора въ вагонъ Генерала Рузскаго были доставлены подписанные Государемъ Манифестъ объ отреченiи, въ двухъ экземплярахъ, и Указы Правительствующему Сенату о назначенiи Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Князя Г. Е. Львова.

Всѣ эти документы были помѣчены 15-ю часами (3 часа пополудни) 2-го Марта 1917-го года, то есть тѣмъ временемъ, когда Императоромъ Николаемъ II въ дѣйствительности было принято рѣшенiе объ отреченiи отъ престола.

Помѣтка документовъ именно указаннымъ часомъ должна была, какъ мнѣ казалось, отчетливо свидѣтельствовать въ будущемъ о томъ, что рѣшенiе отрекшагося Императора было добровольнымъ и внѣ давленiя на него со стороны прибывшихъ отъ Комитета Государственно Думы депутатовъ.

* *
*

«Высочайшiй Манифестъ отъ 2-го Марта 1917-го года получилъ

Александръ Гучковъ

Шульгинъ».

Выдачей такой росписки и закончился для насъ во Псковѣ тяжелый своими переживанiями день отреченiя Государя.

Около 3 часовъ ночи на 3-ье Марта депутаты выѣхали обратно въ Петроградъ; часомъ же ранѣе оба литерныхъ поѣзда, послѣдовательно одинъ за

другимъ медленно и безшумно отошли отъ ст. Псковъ въ направленіи на Двинскъ, увозя отрекшагося Императора и его Свиту въ Ставку...

Содержаніе Манифеста и обоихъ упомянутыхъ выше Указовъ Правительствующему Сенату были немедленно по телеграфу переданы текстуально въ Ставку и Предсѣдателю «Временнаго Правительства». За телеграфнымъ же сообщеніемъ были отправлены по принадлежности въ Петроградъ и подлинные Указы. — Одинъ экземпляръ Манифеста объ отреченіи пріѣзжавшіе депутаты взяли съ собою; второй же экземпляръ того же Манифеста хранился у меня въ штабѣ до Мая 17-го года. Когда же Генералъ Рузскій оставилъ должность Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ, а я получилъ въ командованіе 5-ю армію, этотъ экземпляръ, при письмѣ, былъ отправленъ главѣ Временнаго Правительства Князю Львову. — Передъ отправленіемъ документа въ Петроградъ, я приказалъ снять съ него фотографическій снимокъ, хранившійся у меня до большевистскаго переворота.

Дальнѣйшая судьба этого снимка, какъ и многихъ документовъ моего архива, мнѣ неизвѣстна...

* *
*

Вторую ночь мы безъ сна!.. Силы измѣняютъ, а между тѣмъ обстановка столь отвѣтственна, что приходится быть на сторожѣ, дабы невольно не сдѣлать какой либо оплошности, въ результатѣ крайней усталости...

Опять тревога!.. Событія не ждутъ!.. Съ головокружительной быстротой мчатся они вихремъ, другъ друга обгоняя и не давая возможности сосредоточиться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности!..

Уже въ пятомъ часу утра на 3-ье Марта, едва вернувшись домой съ вокзала послѣ отхода царскихъ поѣздовъ въ Ставку и отбытія депутатовъ въ столицу, — вызовъ къ аппарату.

Предсѣдатель Государственной Думы и Временнаго Комитета М. В. Родзянко требуетъ, чтобы переданный ему по телеграфу Манифестъ объ отреченіи Императора Николая II и о передачѣ престола его брату Великому Князю Михаилу Александровичу не былъ объявляемъ.

— Въ чемъ дѣло? Почему же депутаты, вчера присланные изъ столицы, не были оріентированы въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои могутъ возникнуть? Почему они обошли безъ вниманія сдѣланное имъ предупрежденіе о юридической неправильности отреченія Государя, минуя сына, въ пользу брата Михаила? И какъ вообще возможно скрыть уже отданный манифестъ, отъ котораго ожидалось успокоеніе умовъ? Мысли эти невольно отразились въ моемъ докладѣ Генералу Рузскому, который, одобривъ ихъ, поручилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ и передать его отвѣтъ Родзянкѣ.

— Депутатовъ винить нельзя, читали мы снова на телеграфной лентѣ, исходившей отъ М. В. Родзянко. Дѣло въ томъ, что неожиданно въ столицѣ вспыхнулъ такой солдатскій бунтъ, который трудно себѣ представить. Съ регентствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича быть можетъ и примирились бы, но воцареніе Великаго Князя, какъ Императора, абсолютно непріемлемо... Въ толпѣ, продолжалъ далѣе Родзянко, не замѣчая повидимому противорѣчій въ своихъ словахъ, только и слышно: «Земли и воли», «Долой династію», «Долой Романовыхъ»... Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, намъ удалось придти только

сейчасъ къ нѣкоторому соглашенію, въ результатѣ котораго черезъ нѣкоторое время должно быть созвано Учредительное Собраніе; это послѣднее и должно высказать свой окончательный взглядъ на форму правленія...

— Постараюсь временно пріостановить распространеніе Манифеста, отвѣчалъ Генералъ Рузскій, но не могу поручиться за успѣхъ: прошло уже много времени. Во всякомъ случаѣ приведеніе войскъ къ новой присягѣ исполнено будетъ лишь по полученіи соотвѣтственнаго распоряженія изъ Ставки. Долженъ вообще поставить Васъ въ извѣстность, что Императорскій поѣздъ покинулъ уже Псковъ и что, по закону, въ случаѣ отсутствія Верховнаго Главнокомандующаго (Великій Князь Николай Николаевичъ находился въ Тифлисѣ), его должность замѣщаетъ Начальникъ Штаба, дѣйствующій его именемъ. Такимъ образомъ нынѣ центръ Вашихъ дальнѣйшихъ переговоровъ долженъ быть перенесенъ въ Ставку; меня же прошу впредь лишь оріентировать въ происходящемъ...

* *
*

Въ чьи же руки отрекшійся Императоръ передавалъ въ столь трудное время Престолъ Всероссійскій?

Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ младшимъ сыномъ Императора Александра III-го. — Хотя онъ, до рожденія Цесаревича 30 Іюля 1904-го года, и являлся Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, но никогда не игралъ активной роли въ государственной жизни Россіи и держался въ нѣкоторой тѣни. — Даже въ военной дѣятельности своей онъ достигъ до войны лишь должности Командира полка и лишь въ періодъ міровой войны былъ поставленъ во главѣ сначала конной дивизіи, а затѣмъ кавал. корпуса.

Во время царствованія Императора Александра III о младшемъ его сынѣ Михаилѣ много говорили какъ о любимцѣ царя, якобы унаслѣдовавшемъ натуру и даже внѣшность своего могучаго отца. Но, съ теченіемъ времени, Михаилъ Александровичъ превратился въ худого длиннаго юношу, съ довольно хрупкимъ здоровьемъ и вполнѣ женскими чертами характера.

Я не сказалъ бы, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ производилъ впечатлѣніе очень способнаго человѣка, но онъ проявлялъ любознательность и къ нему влекли его необыкновенная скромность и деликатность.

Лично у меня съ нимъ было лишь нѣсколько мимолетныхъ встрѣчъ.

Царскій поѣздъ въ 1904-мъ году. — Императоръ Николай II объѣзжаетъ войска, отправляемыя на Дальній Востокъ, на войну съ японцами. Я состою при Военномъ Министрѣ Генералѣ Сахаровѣ, сопровождающемъ Государя въ его поѣздкахъ. — 11 часовъ вечера. — Занимаюсь въ своемъ отдѣленіи какимъ-то дѣломъ. — Вдругъ... стукъ въ дверь...

— Войдите, отвѣчаю извнутри.

Входитъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ, видимо конфузясь.

— Простите, ради Бога... я, кажется, Вамъ помѣшалъ?..

— Нисколько, Ваше Высочество, я очень радъ Васъ видѣть у себя.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ Вами, произноситъ онъ мягкимъ извиняющимся голосомъ, спрашивая глазами, можно ли сѣсть. — Мнѣ говорили, что Вы спеціалистъ по мобилизаціоннымъ вопросамъ. — Не разскажете ли Вы, какъ производится частичное укомплектованіе нашихъ войскъ, отправляемыхъ въ Маньчжурію?

И далеко за полночь затянулась наша бесѣда, во время которой я очень скоро позабылъ, что моимъ партнеромъ является братъ Императора огромной и могущественной страны.

Въ одну изъ такихъ же поѣздокъ, близъ ст. Жмеринка въ жестокій морозный день, при сильномъ вѣтрѣ, долженъ былъ состояться Высочайшій смотръ войскамъ 3-й стр. бригады, отправлявшейся на войну.

Нестерпимо было сидѣть неподвижно верхомъ на лошади. — Коченѣли ноги и всего охватывала дрожь. — Императоръ Николай, отличавшійся своей выносливостью, медленно и размѣренно объѣзжалъ длинные ряды войскъ и затѣмъ, стоя на мѣстѣ, пропускалъ ихъ мимо себя. Но рядомъ съ нимъ находившійся Великій Князь Михаилъ Александровичъ, не обладавшій сильнымъ здоровьемъ, сдалъ... Его закоченѣвшаго, почти безъ чувствъ, сняли съ лошади, обернули нѣсколькими одѣялами, взятыми изъ лазаретной линейки, и въ такомъ видѣ отправили въ поѣздъ, гдѣ еле-еле отогрѣли...

Долго потомъ Великій Князь конфузливо улыбался, вспоминая о своихъ слабыхъ силахъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Великаго Князя Михаила Александровича въ Ставкѣ, лѣтомъ 15-го года. Онъ командовалъ тогда на фронтѣ не то дивизіей, не то корпусомъ и по какому то случаю пріѣхалъ къ намъ въ Барановичи. — Послѣ завтрака у Верховнаго Главнокомандующаго, онъ остался какъ то одинъ въ садикѣ передъ моимъ управленіемъ, въ видимомъ затрудненіи — куда направиться? Увидавъ черезъ окно его длинную фигуру въ кавказскомъ бешметѣ, я вышелъ къ нему и предложилъ зайти ко мнѣ въ кабинетъ ознакомиться съ послѣдними свѣдѣніями, полученными съ фронта.

Онъ благодарно улыбнулся и провелъ у меня болѣе получаса, живо интересуясь всѣмъ тѣмъ, что я ему разсказывалъ...

Милый, симпатичный молодой человѣкъ. — Такими словами охарактеризовалъ бы я его, въ качествѣ лица частнаго...

Имѣетъ всѣ данныя быть хорошимъ конституціоннымъ монархомъ, но только въ устоявшемся государствѣ, съ твердымъ и хорошо налаженнымъ аппаратомъ власти. — Таковымъ онъ могъ казаться, въ качествѣ претендента на престолъ.

Его скромная и искренняя натура сказалась и въ его бракѣ, соединившемъ его съ тою, которую онъ избралъ по влеченію сердца, вопреки чопорнымъ традиціямъ царствующихъ домовъ.

2014322898